

УДК 796.01:796.032

СПОРТ И ИДЕЯ ОЛИМПИЗМА (ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ)

Н.Н. Визитей, В.Г. Манолаки

Государственный университет физического воспитания и спорта Молдовы, Кишинев, Республика Молдова
Для связи с авторами: e-mail: n.vizit.n@mail.ru

Аннотация:

Проводится философско-культурологическое рассмотрение проблемы «спорт и идея олимпизма». Анализируются представления по данной проблеме Кубертена, отраженные в Олимпийской Хартии. Выявлено, что идея олимпизма П. Кубертена и идея олимпизма античного не в полной мере тождественны; последняя, в частности, более метафизически фундирована. Показано, что в соответствии с представлением древних греков олимпизм является философией агональной (соревновательной) жизни, при этом сама агональность трактуется как базовый принцип космологических, а также социальных отношений и что олимпийский спорт воспроизводит данный принцип, акцентируя при этом как противопоставленность, так и единство тех начал, которые составляют основу агонального процесса. Констатируется, что в философии Нового времени соревновательность также рассматривается как универсальное и внутренне противоречивое социальное отношение, выступая в качестве события, неизменно сопутствующего акту самосознания и самореализации, в которых реализуются два базовых стремления человека: к индивидуализации и к соучастию. Показано, что первоначально важной задачей, связанной с развитием современного спорта и модернизацией концепции олимпизма, является подъем на качественно новый уровень мировоззренческой компетентности тренера и спортсмена и на этой основе - перестройка системы олимпийского образования.

Ключевые слова: философия спорта, философия олимпизма, творческое наследие П. де Кубертена, агональность, античный спорт, современный спорт.

SPORT AND THE IDEA OF OLYMPISM (PHILOSOPHICAL - CULTUROLOGICAL ANALYSIS OF THE PROBLEM)

N.N. Vizitei, V.G. Manolachi

State University of Physical Education and Sport of the Republic of Moldova, Kishinev, Republic of Moldova

Abstract:

The philosophical-culturological consideration of the problem "sport and the idea of Olympism" is carried out. The ideas on the problem of Coubertin, which are reflected in the Olympic Charter, are analyzed. It is revealed that the idea of Olympism of P. de Coubertin and the idea of ancient Olympism are not identical, and the latter, in particular, is more metaphysically grounded. It is shown that in accordance with the view of ancient Greeks, Olympism is the philosophy of agonistic (competitive) life, and the agon itself is treated as a basic principle of cosmological and social relations as well, and the Olympic sport reproduces this principle, and in this case there is an emphasis on the opposition and unity of those basics, which make up the foundation of agonistic process. It is stated that in the philosophy of the modern period the competitiveness is also considered as a universal and internally contradictory social relationship, as an event, which constantly accompanies the act of self-awareness and self-realization, in which two human strives are realized: individualization and participation. It is shown that primary important task, which is connected with the development of the modern sport and modernization of the concept of Olympism, is the upheaval to the qualitatively new level of world-outlook competence of the coach and sportsman and on this basis - reorganization of the system of the Olympic education.

Key words: Philosophy of sport, Philosophy of Olympism, Creative heritage of P. de Coubertin, Agony, Ancient sport, Modern sport.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ ОЛИМПИЙСКОЙ ХАРТИИ

Олимпизм выступает сегодня как официальная (по крайней мере, на декларативном уровне)

не) идеолого-мировоззренческая доктрина спорта, прежде всего – спорта высших достижений. Тем не менее вопрос о соотносительности идеи спорта и идеи олимпизма остается во многих

своих аспектах до сегодняшнего дня непроясненным. Олимпийская Хартия (ОХ) в своей базовой трактовке определяет олимпизм как философию жизни, возвышающую и объединяющую в одно сбалансированное целое достоинства тела, воли и разума [1, с. 9]. Обращает на себя внимание, что в данной дефиниции нет упоминания о спорте, то есть здесь идея олимпизма изначально не включает в себя в качестве своего основополагающего элемента то или иное представление о спорте, не сопрягается с какой-либо конкретной его идеей. Очевидно также, что дефиниция, о которой идет речь, имеет очень широкий характер, и, ориентируясь на нее, мы при попытке углубленного понимания сути олимпизма оказываемся перед необходимостью в качестве главного предмета анализа брать, в первую очередь, феномен человеческой жизни в целом. Здесь существенно и другое: приняв данную точку зрения, мы не можем в дальнейшем последовательно ее придерживаться, поскольку с определенного момента перед нами неизбежно встает вопрос о том, насколько спорт сам по себе предрасположен к восприятию вышеуказанным образом трактуемой идеи олимпизма, то есть вопрос о сути спорта. ОХ в полной мере отражает (однако, в целом – безрефлексивно) необходимость такого рода переориентации анализа: уже во втором пункте ее «Основополагающих принципов» сказано: «Целью олимпизма является повсеместное становление спорта на службу гармоничного развития человека, с тем чтобы способствовать созданию мирного общества, заботящегося о сохранении человеческого достоинства» [1, с. 9]. При всем этом, однако, какая-либо конкретная дефиниция спорта в ОХ полностью отсутствует.

Можно заключить, что по интересующей нас проблеме в ОХ представлены два концептуально различных подхода: в одном случае мы должны начать анализ с рассмотрения олимпизма как философии жизни в целом и, далее, определив принципы этой философии, стремиться выявить возможность их привнесения в отдельную сферу социальной жизнедеятельности – в спорт, в другом, начиная с определения сути спорта и полагая при этом, что олимпизм ему изначально присущ, прилагать усилия для того, чтобы установить пути, на которых воз-

можно сделать достоянием жизни общества в целом те мировоззренческие ценности, которые присущи спорту и которые выявлены в ходе его анализа. Однако очевидно, что необходимой предпосылкой успешного движения и в одном, и в другом направлении является все-таки наличие в исходном варианте рассматриваемых дефиниций (идей олимпизма и идеи спорта) общих базисных элементов. Только при таком условии можно рассчитывать, что мы сможем прийти к искомой ситуации: олимпийзм будет пониматься как философия жизни спорта, а последняя получит смысл определенного варианта философии жизни общества как такового.

Сказанным, однако, не исчерпывается суть дела, поскольку олимпизм в ОХ трактуется и еще в одном, можно сказать, в третьем смысле, а именно не как идеолого-мировоззренческий принцип спорта или жизни общества в целом, а как сама по себе целенаправленно осуществляемая деятельность, обеспечивающая связь спорта с культурой и обществом, целью которой является создание «образа жизни, основывающегося на радости от усилия, на воспитательной ценности хорошего примера и на уважении к всеобщим основным этическим принципам» [1, с. 9]. Данную трактовку, однако, вряд ли можно считать удачной. Действительно, из общих соображений очевидно, что более логично обеспечить указанной связи рассматривать как задачу, стоящую перед Международным олимпийским комитетом, чем трактовать ее как внутренний смысл самой идеи олимпизма. И в ОХ, надо заметить, это обстоятельство тоже находит свое отражение: здесь в разделе «Задачи и роль МОК» говорится в первом же пункте, то есть как о чем-то особенно значимом, о необходимости «поощрять и поддерживать распространение этики в спорте, а также воспитывать молодежь посредством спорта» [1, с.7].

Такова ситуация, и в итоге приходится констатировать, что ОХ говорит и об олимпизме, и о спорте в значительной мере неоднозначно, что она не обеспечивает в должной мере того концептуального основания, опираясь на которое, мы получили бы возможность последовательного и продуктивного движения к полному пониманию идей олимпизма, идеи спорта, а также того единства, которое может

быть результатом сопряжение этих идей. В условиях, когда ОХ сама определяет себя как документ, который является «сводом основополагающих принципов Олимпизма» [1, с. 7], данную ситуацию в целом вряд ли можно считать приемлемой. Почему, однако, положение дел именно таково? Главная причина, надо сказать, хорошо известна: на уровне философско-социологического анализа и спорта как социального явления, и олимпизма как возможного принципа человеческой жизни всегда было и все еще остается на сегодняшний день множество дискуссионных вопросов, причем вопросов *основополагающего характера*. Не удивительно, что в данных обстоятельствах разноречивыми оказываются и соответствующие представления *спортсмена*. С одной стороны, соприкасаясь с глубинными процессами спортивной (соревновательной) деятельности, он нередко уже чисто стихийно открывает для себя их высокую мировоззренческую и нравственную значимость. С другой – данные представления в силу определенных обстоятельств реальной жизни нередко подвергаются упрощению и оказываются неустойчивыми. Слабая общетеоретическая разработка социальных проблем спорта выступает негативным фактором и в случае профессиональной работы *тренеров*. Необходимость обеспечить своим воспитанникам высокие спортивные результаты в условиях нечеткости представлений о сути спорта и олимпизма приводит к тому, что тренер в своей деятельности, в частности при попытках формирования и развития *мотивационной* сферы спортсмена, идет нередко по пути, где имеют место не столько прояснение и укрепление тех, недостаточно, как мы отметили, концептуально фундаментальных, но в целом адекватных представлений спортсмена относительно высокой социально-культурной значимости спортивной деятельности, а по пути, где эти представления оставляются без внимания и, как следствие, обесцениваются. Наконец, следует сказать и о ситуации, сложившейся на сегодняшний день в деле *пропаганды* и *распространения* олимпийской идеи среди населения, что является, как известно, важнейшей задачей в деятельности *Олимпийских академий*. Результативность очень значительной по

объему работы, которая здесь нередко ведется, в существенной степени остается невысокой в связи, опять-таки, с недостаточной теоретической разработанностью соответствующих проблем. Люди обычно получают обширную информацию лишь о внешней стороне жизни олимпийского спорта, в то время как глубинный смысл соответствующих событий остается для них чаще всего сокрытым.

Поскольку в целом ситуация столь неоднозначна, то уместно, вероятно, спросить: прав ли вообще Кубертен, формулируя вышеуказанным образом идею олимпизма и пытаясь ее соединить с идеей спорта? Не изменяет ли здесь ему чувство реальности, в чем его, вообще говоря, неоднократно в той или иной форме упрекали и упрекают? Несмотря на высказанные нами выше критические замечания по поводу общетеоретического уровня ОХ, построенной на основании идей Кубертена, мы полагаем, что в целом он все-таки прав. И *главным аргументом* в пользу данного вывода является тот *исторический факт*, что указанное сопряжение *уже существовало и было плодотворным* в рамках определенной культуры и в пределах конкретной исторической эпохи – в *Древней Греции*, и при рассмотрении проблемы «спорт и идея олимпизма» целесообразно идти *вслед за Кубертенем*, то есть обратиться в первую очередь к *античному олимпизму и античному спорту*. Именно античность учит нас *глубоко метафизически* понимать и олимпизм, и спорт, а вообще говоря, и человеческую жизнь как таковую. Это, надо сказать, очень актуальная для нас проблема, ведь мы сегодня по жизни в целом – только лишь *любители*. Греки же времен античности – *профессионалы*. Ситуация, несомненно, именно такова. И наш *профессионально-коммерческий спорт*, следует подчеркнуть, – это, в некотором смысле, тоже *лишь любительство*. Может быть, он как дело *коммерческое* и профессионален с определенного исторического момента, но как дело *олимпийское* по сравнению со спортом античных греков он до профессионализма явно не дорастает. Нам надо в полной мере, наконец, осознать данное обстоятельство, заинтересованно и глубоко его прочувствовать и направить свои силы на обретение должного *мировоззренческого и социально-*

культурного профессионализма, вдохновиться задачей такого обретения - и в жизни в целом, и в спорте в частности. И здесь, если следовать грекам, уже самые первые шаги анализа открывают нам принципиально важное обстоятельство: *общетеоретическое* ядро понимания *грекам* олимпийского спорта, а также и самого олимпизма, составляют его представления об *агональности* (сопоставительности), которая, как известно, является сквозным элементом жизни античного общества и во многом определяет его суть. На наш взгляд, есть все основания принять именно *агональность* за то *базовое событие*, которое выступает в качестве предпосылки и даже *истока* как *идеи спорта*, так и *идеи олимпизма*, причем и в Древней Греции, и в наши дни [3, 4]. Агональность и является тем общим знаменателем, тем *связующим элементом*, о необходимости определения которого выше шла речь при рассмотрении вопроса о сопряжении идеи спорта и идеи жизни общества в целом.

Следует отметить и еще одно обстоятельство принципиального характера: олимпизм – *философия* жизни, что уже само по себе обязывает нас обратиться к философскому осмыслению соответствующих проблем. Существенно, что в последние годы совершаются настойчивые попытки активизировать работу по созданию *философии спорта* [2]. Вместе с тем очевидно, что в настоящее время мы находимся лишь в самом начале данного пути.

ОБЩАЯ ИДЕЯ ГРЕЧЕСКОЙ АГОНАЛЬНОСТИ

В *процессуальном отношении* агональность в Древней Греции понимается как встреча двух исходно противостоящих друг другу начал и как их сопряжение, в котором данное противостояние оказывается преодоленным. Такое понимание присутствует уже в «Теогонии» Гесиода (VII в. до н.э.). Здесь *Эрида* – это богиня, персонифицирующая *единство* двух факторов: *созидательного* – она покровительница трудового состязания, *разрушительного* – она продуцирует и поддерживает вражду между людьми [5]. Аналогично у Аристотеля (IV в. до н.э.): сопоставление, *агональное взаимодействие* индивидов потенциально рождает у участников

два противоположных устремления и чувства: *«чувство соревнования»* – позитивное, связанное с созидательными устремлениями, и *«чувство зависти»* – негативное, связанное с устремлениями разрушительными [6, с. 90]. Агональность трактуется и как *космологический* феномен. Так, Гераклит (VI – V вв. до н.э.) формулирует *«принцип единства и борьбы противоположностей»* как базисный в жизни мира [7], а Эмпедокл (V в до н.э.) утверждает, что жизнь Космоса – это взаимодействие, борьба двух стихий: *«Филии»* («Любви») и *«Нейкос»* («Вражды») [8]. Ф. Ницше (блестящий знаток античной культуры) отмечает: «только грек мог положить представление об агональности в основание оправдания мира; “благая Эрида” Гесиода объявлена мировым принципом» [9, с. 14]. А каков результат встречи антогонистических начал? «Из борьбы противоположностей, – комментирует точку зрения Гераклита Ф.Ницше, – возникает всякое становление; все происходит сообразно с этой борьбой, и именно в ней *вечная справедливость»* [9, с. 25]. *Справедливость* и есть, следовательно, особого рода результат встречи, о которой идет речь.

Итак, «Любовь» и «Вражда» – космологические силы, их взаимодействие и взаимопогашение обеспечивает *становление*, которое имеет морально-этический смысл – это *свершающаяся справедливость*. Человеческое существование в онтологическом плане представлено здесь как событие, которое связано с процессом самодвижения Космоса и в котором человеку открыта *истина бытия* и предоставлена возможность быть соучастником указанного процесса, выступить субъектом утверждения данной истины, то есть возможность *действовать справедливо*. *Стремление сохранить такую возможность* является для человека сущностным и неизменным. Он стремится *не утратить контроль* (власть) над происходящим, что наделяет его *чувствам долга*, которое, в свою очередь, выступает для человека как неизменное условие обретения и удержания им *чувства реальности*, обеспечивает человеку просветленность его сознания. В данной ситуации человек открыт себе прежде всего как *субъект долженствования*. Названные события и свершения характерны для человеческого существования как тако-

вого. Однако они имеют свои особенности в каждой культуре и в каждую историческую эпоху. Для Древней Греции характерен случай, когда разделенность мира на внешний и внутренний является *особенно значительной*. Греку открыто *чувство вражды* в крайне интенсивном его варианте; соответственно, обостренным для него являются *чувство любви*, а также стремление остаться субъектом, обеспечивающим единство мира. *Бытие эфека характеризуется чрезвычайно высоким онтологическим и нравственно-психологическим тонусом*, что, заметим, и является предпосылкой необычайной творческой продуктивности античной культуры в целом.

Спорт, будучи сущностно агональной деятельностью, имеет глубокое *метафизическое измерение* и выступает как вариант *фрактически реализуемой философии*. За внешней определенностью и простотой спорта, в глубинных горизонтах его бытия постоянно случается множество судьбоносных для человека процессов и событий, и их анализ - важнейшая задача для исследователя.

АГОНАЛЬНОСТЬ В НАШИ ДНИ

В европейской философской традиции Нового времени агональное (соревновательное) начало рассматривается в ряде случаев так же, как и в античности – в качестве *имманентно присущего* человеческому существованию феномена. В частности, И. Кант (XVIII в.) определяет *«человечность»* как *«сравнительное себялюбие»* [10, С. 28], по сути же, - как *себялюбие соревновательное*. Сама же соревновательность здесь нередко трактуется в духе Аристотеля. В частности, Ф. Ницше отмечает: *«Жажда равенства может выражаться в том, что стремишься перетянуть всех к себе (через умаление, замалчивание, подножку), либо самому подняться ко всем (через признание, помощь, радость от чужой удачи)»* [11, с. 396].

Агональность понимается сегодня как обязательный компонент *самосознания и самореализации* человека и при этом так же, как и в античности, - в качестве *внутренне противоречивого* феномена. Констатируется, что в нем представлены два основополагающих и активно взаимодействующих стремления человека: к *индивидуализации* – к тому, чтобы *выделиться* в со-

обществе, и к *отождествлению, соучастию* - к тому, чтобы *уравнять* себя с другими, укоренить себя в стихии жизни сообщества. (П.Тиллих подчеркивает: *«Самоутверждение обязательно включает утверждение себя как “участника”*. Я утверждает себя как участвующее в силе какой-то группы, какого-то движения, мира сущностей, силы бытия как такового» [12, с. 65].) Таким образом, когда я индивидуализируюсь, я уравниваюсь, и я уравниваюсь, приближаюсь к «реальной коллективности» в полной мере лишь тогда, когда индивидуализируюсь. По сути, это уже знакомая нам картина, воспроизводящая внутреннюю противоречивость человеческого бытия. При этом мое соучастие состоит в том, что я активно действую в соответствии с принципом, который выполняет роль *системообразующего фактора* в жизни сообщества, *поддерживаю* этот принцип, утверждаю существование сообщества как носителя этого принципа. Поступая в соответствии с такой установкой, я, по сути, следую *категорическому императиву И. Канта*: *«Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим принципом»* [13, с. 301].

СПОРТИВНАЯ АГОНАЛЬНОСТЬ: ОБЩНОСТЬ И РАЗЛИЧИЕ ТРАДИЦИЙ АНТИЧНОГО И СОВРЕМЕННОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

В современной литературе, посвященной спорту, нередко случаи, когда спортивное состязание понимается как процесс, *двойственный* по своему характеру. Например, С. Гулдениффенинг говорит, что «спорт принципиально открыт и “свободен”», что он «содержит диспозиции как к миру, так и к немиру» [13]. На первый взгляд, это дает основание утверждать, что в наши дни спорт (и агональность в целом) трактуется в античной традиции – *диалектически*. Однако в действительности это в значительной степени не так. В греческом понимании агональности присутствует, как мы отметили, не только мнение о наличии двух противоположных начал, но и представление о том результате, который дает их единение. В суждениях же современных авторов этого нет.

Утверждение, что спорт может проявлять себя в социально-культурном плане и позитивно, и негативно - это лишь констатация лежащих на поверхности, эмпирически очевидных фактов, которая, однако, сама по себе в аналитическом отношении недостаточна. Если обратиться к наследию Кубертена, которое в целом, надо сказать, неоднородно, то нетрудно заметить, что среди его высказываний о спорте можно встретить и такие, которые соответствуют указанным взглядам. Широко известно, в частности, его утверждение: «Спорт может вызывать как наиболее благородные, так и наиболее низменные страсти» [15, с. 22]. Очевидно, однако, что данная точка зрения существует у Кубертена наряду с другой, которая представлена в ОХ и именно которая и выступает как *основополагающая*.

Сопоставляя представления Кубертена с античными, следует заключить, что в трактовке агональности (соревновательности) и, соответственно, олимпизма между одними и другими имеются существенные различия. Прежде всего, очевидно, что в античности данные феномены не воспринимаются как нечто по сути своей исключительно *праздничное и радостное*, как склонен в конечном счете считать Кубертен. (Наиболее концентрированно представления такого рода передает его знаменитая «Ода спорту» [15, с.177-178].) Для грека агональность является процессом, *внутренне конфликтным* и глубоко *драматичным*. В то же время – и это принципиально существенно - в его представлении именно *агональность* составляет суть человеческой жизни *в самой ее подлинности и справедливости*. Именно в ее стихии для человека при определенных обстоятельствах открыта возможность высших духовно-практических свершений. Кубертен, как это следует из его определения олимпизма, видит (хочет видеть) в спортсмене человека, который, вступая в спортивное состязание, прежде всего мотивирован перспективой достижения успеха в развитии «достоинств тела, воли и разума», а также возможностью их сбалансированного и гармоничного сопряжения. Что касается грека, то он в аналогичных обстоятельствах движим, в первую очередь, стремлением *поставить себя в предельную ситуацию человеческого*

существования, испытать себя этой ситуацией, а значит, открыть для себя истину наиболее масштабной из возможных самореализаций, а также путь к ней. Кубертена нередко считают *романтиком*, полагая, что модель спорта, которую он предлагает, - это в целом не более чем утопия. Анализ греческого спорта показывает, однако, что по своему культурно-смысловому потенциалу античный олимпизм в определенном отношении *стоит выше*, чем тот, который предусматривается моделью, предлагаемой Кубертенем: идея первого более *метафизически основательна*, чем второго. Поэтому очевидно, что если уж оценивать меру романтичности Кубертена, то можно сказать с большим основанием, что *романтизма ему недостает*.

СПОРТСМЕН-ОЛИМПИОНИК КАК АДЕПТ ФИЛОСОФИИ АГОНАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

В силу конкретно-исторических особенностей античной жизни мир открыт греку как реальность, которая живет по своим объективным законам. Зная эти законы и опираясь на них, грек может в определенных пределах использовать процессы, происходящие в мире, в своих жизненно-практических интересах; он также, и это для грека особенно важно, должен иметь возможность отчетливо воспринимать и глубоко переживать свое присутствие в мире как определенное событие в жизни космического универсума. Он инициативен и оптимистичен. Но суть дела не исчерпывается этим обстоятельством. Греку очевидно и другое: его существование в целом жестко предопределено законами мира (Космоса), которые для него суть *императивы судьбы*. (Р.Гвардини говорит, что в Древней Греции события, составляющие человеческую жизнь, воспринимаются как *живое переживание тайны судьбы*) [16, с. 28].) Поэтому каждый конкретный эпизод своей жизни грек склонен выверять в соответствии с правдой ее последнего, наиболее драматичного эпизода. Общий принцип поведения грека в рассматриваемых обстоятельствах состоит в том, что он не перестает быть деятельным, а, напротив, *принимает вызов судьбы*, идет ей навстречу, желая вновь и вновь оказываться в положении, когда реалии жизни открыты ему в качестве *абсолют*

но заданных, когда восприятие мира является предельно реалистичным, а возможность безобидных - справедливых и свободных - действий наибольшая. Такого рода поведение человека и есть подлинное героичество, высшая доблесть, сопоставимая с доблестью мифологических персонажей. Герой деятельно оптимистичен, вопреки тому, что жизнь по своей сути трагична. (Ф. Ницше говорит о стремлении и способности грека к «подтверждению жизни даже в самых непостижимых и суровых ее проявлениях» [17, с. 629]. А. Чанышев отмечает: «Герой – это человек, который зная о своей близкой смерти, действует так, как если бы он был бессмертен и уверен в своем торжестве» [18, с. 80]).

Все вышеуказанное присутствует в спорте, определяя его глубинный смысл. Человек, идентифицирующий себя в социуме посредством спорта, целиком высвечен в своей сути, в нем не остается чего-либо сокрытого, потаенного, он полностью очевиден и открыт окружающим, фактически – обнажен. (Традиция, по которой атлеты на Олимпийских играх соревнуются *нагими*, имеет во многом именно такие корни.). Спорт позволяет человеку оказаться в положении, когда он стоит на границе бытия-небытия, когда ситуация в целом крайне неустойчива, и здесь уже невозможно бездействие и вместе с тем любое действие – это предельный риск: шаг к тому, чтобы либо обрести все – либо все потерять, либо пасть под ударами судьбы – либо преодолеть непреодолимое. Разрешение ситуации состоит в том, что здесь при наличии определенных предпосылок оказывается возможным совпадение желанного и должного (Кайрос). Героичество (как, к примеру, и Нирвана) предполагает в конечном счете, что необходимого и желанного достигают здесь лишь однажды - и навсегда! (М. Мамардашвили: «Единственный вид бесконечности, который греки признавали, это бесконечное, которое полностью содержится в мгновении» [19, с. 12].)

Высший долг в качестве высшего может быть исполнен человеком только один раз. В связи с этим в античной жизни (как ее представлял грек) становятся возможными очень специфические ситуации. Например, Зевс в ответ на просьбу матери особо отметить ее сыновей, которые одновременно первыми приплыли к

финишу в соревнованиях колесниц на Олимпийских играх, дает смерть обоим победителям во сне. Странное благодеяние верховного бога! Однако в свете вышесказанного здесь все вполне логично: жизнь может и даже должна быть остановлена, когда победой достигнуто высшее и исполнен долг перед высшим, а потому жизнь теперь полностью исчерпала себя - и в смысле, и в экзистенциально-практическом отношении. Уместно подчеркнуть: греки отчетливо осознавали то, что в подавляющем большинстве случаев находится за пределами представлений о спорте у современных авторов: спорт является не просто одной из многих существующих в обществе соревновательных деятельностей, спорт – это самодостаточное соревнование, или, можно сказать также, что это «чисто соревновательная деятельность» [3, с. 48-49].

СПОРТ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Современный спорт передает идею человеческого самоутверждения, акцентируя оба базовых момента самореализации человека: стремление к индивидуализации и стремление к участию. В спорте, с одной стороны, реализуется предельная по однозначности и строгости регламентация, а с другой - предельное же, доводимое до экзальтации (в тенденции – до отрицания любого регламента), стремление победить. Перед нами, как очевидно, крайне напряженная нравственно-психологическая ситуация. Спорт – это не просто честное атлетическое соревнование, это также (и даже прежде всего) атлетическое (то есть требующее максимально-напряжения физических и душевных сил) соревнование в честности. Здесь трудно победить, но также нелегко быть достойным звания победителя. Именно отсюда проистекает значимость самого по себе участия спортсмена в соревновании. Оно приобщает человека к сообществу (к братству) тех, для кого принцип честного соперничества - высшая ценность.

Сегодняшний мир фрагментарен, и человеку трудно связать в одно целое те мироощущения, которые даны ему в качестве опыта включенности в разные сферы действительности, поэтому и внешнее, и внутреннее для него лишены необходимой определенности, размыты. Соответственно, ослаблена и противо-

поставленность этих реалий, а потому онтологическая и нравственная энергетика бытия здесь понижена. Не от чувства бытия живет современный человек. Это и есть «кризис самоидентификации» - одна из базовых проблем в сегодняшней – *постмодернистской* - культуре. (П. Тиллих: «Нам угрожает не только утрата наших индивидуальных Я, но и утрата соучастия в нашем мире» [12, с. 65-66].) Но человек неизменно ищет четкой самоидентификации. Вместе с тем *полномасштабно артикулированная самоидентификация возможна только в строго упорядоченном мире*. «Выбирая себя, - говорит Ж.-П. Сартр, - я создаю Всеобщее» [20, с. 324].

Спорт является высоко упорядоченным социальным пространством. Вместе с тем спорт не может создавать какую-либо особую, свою собственную, существующую в отрыве от реальной общекультурной ситуации, модель самоутверждения человека. В Греции условия таковы, что открывающаяся человеку картина мира в значительной степени выстроена в систему, *центрирована и устойчива*. Задача человека - найти свое место в *уже состоявшемся* в качестве высоко упорядоченного социальном пространстве, и античный спорт подчеркнуто воспроизводит именно такую ситуацию: здесь культивируются преимущественно *индивидуальные* виды спорта, в которых, по сути, невозможно в ходе соревнования несоблюдение принятых норм. В наши дни, в условиях *ацентричности* и крайней *плюральности* мира, перед человеком, стремящимся к самоидентификации, неизбежно встает в качестве важнейшей задача: самому в каждом конкретном случае выступить фактором приведения мира, хотя бы ближайшего, в упорядоченное состояние. Спорт наших дней в лице своих наиболее популярных, *командных игровых видов* (футбол, хоккей, баскетбол и др.) воспроизводит во всей полноте указанную ситуацию. Действительно, здесь спортсмен, по сути, может выбирать «формулу успеха», «философию победы». Он может соревноваться строго по правилам, а может в определенных пределах от них отступить, и при этом происходящее не обязательно будет замечено и классифицировано судьей как нарушение, а порой (и для этого здесь тоже есть предпосылки) остается полностью

незамеченным. Здесь, при ближайшем рассмотрении, воспроизводится общая ситуация пребывания человека в современном (постсовременном) мире, в котором в известной мере предполагается и дается простор «свободной игре отрицательности». Соответственно, четкая самоидентификация в одном случае будет возможной, в другом – нет; неизбежно разной будет и удовлетворенность спортсмена происходящим.

Следует отметить, что и сегодня есть авторы, для которых спорт наших дней, по сути, равноценен древнегреческому и которые в рамках такого рода представлений идут в определенном смысле дальше Кубертена. Надо сказать, что, вообще говоря, это *редкий*, но в то же время *наиболее ценный случай*. Вот два примера: Н. Ниссиотис - «Олимпийская идея отражает стремление человека постичь глубоко скрытую высшую реальность жизни и в то же время приглашение людей к переживанию этой реальности и размышлению над ней; олимпийская идея обновляет человека, побуждая его к попытке достижения высшей цели существования» [21, с. 175]; Майкл Новак - «Мы, смертные, всегда, рано или поздно, проигрываем в игре жизни. Мы умираем. И спортивное состязание – это ритуально повторяющиеся триумфы человека над одним и тем же соперником – над смертью» [22, с. 11]. (Существенно, однако, что и в одном, и в другом случае данные представления не получают у авторов должного концептуального развития.)

ГЛАВНОЕ УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ПРОДУКТИВНОСТИ СПОРТА

Кубертен, как известно, возлагал большие надежды на спорт. В Олимпийской Хартии программно заявлено: «Целью Олимпизма является повсеместное становление спорта на службу гармоничного развития человека с тем, чтобы способствовать созданию мирного сообщества, заботящегося о сохранении человеческого достоинства» [1, с. 9]. Нельзя сказать, что это чисто внешним образом, а не от понимания сути действительно происходящего в спорте, заданная целевая установка. Однако решает ли современный спорт реально поставленные пе-

ред ним задачи? Конечно, нельзя ответить на это вопрос отрицательно. Вместе с тем и положительный ответ в целом выглядит проблематичным. В свете вышесказанного представляется не вполне адекватным заявление Самаранча: «Я могу смело утверждать, что Олимпийское движение сегодня больше, чем когда бы то ни было, опирается на идеалы Кубертена» [23, с. 15]. Здесь явно больше смелости, чем правды. У Самаранча, несомненно, есть много заслуг перед современным Олимпийским движением, однако вряд ли это связано с разработкой и реализацией в период его президентства (1980-2001) гуманистических идей олимпизма, сформулированных Кубертенем. Сегодня налицо существенное расхождение между декларациями относительно социальной и культурной значимости спорта, с одной стороны, и оценками его действительных достижений – с другой. А в Греции? Здесь спорт понимается и реализуется как *метафизический феномен*. Здесь ситуация (в целом, конечно, не всегда, но все же на протяжении больших исторических периодов) была иной. Олимпионик реально воспринимался, подчеркивает К. Ясперс, не просто как «лучший атлет», а как «лучший грек» [24, с. 331-332]; он выступает здесь, по сути, утверждает М.Гаспаров, как «избранник богов» [25, с. 363]. Греческому спорту удавалось решение задачи формирования «героической личности», воспитания гражданственности, а также укрепления миропорядка. Существенно, что все это было возможным в первую очередь потому, что спорт позволял человеку увидеть правду жизни и научиться действовать в соответствии с ней, он увеличивал возможность человека действовать от «чувства бытия», повышал его *мировоззренческую компетентность*; именно данное обстоятельство превращало спорт в эффективное средство решения многих других, более частного характера жизненных проблем, создавало предпосылку для развития и проявления всех иных видов компетентности. Здесь уместно особо остановиться на вопросе о сути «принципа честного соперничества» - *основополагающего* для спорта. В Древней Греции рассматриваемый принцип не задает изначально только лишь стандарт соревновательных отношений одного грека с другим

греком, одного спортсмена с другим спортсменом: он выступает как *базовый принцип соперничества грека с судьбой*. Честное соперничество спортсменов друг с другом – это лишь отблеск сияния той *справедливости*, которая составляет внутреннюю суть агональности как космологического феномена и за которую в конечном счете грек сражается. Поэтому честность в истинном варианте возможна лишь тогда, когда соревнование сохраняет в смысловом плане для участников свое *метафизическое измерение*, свою мировоззренческую содержательность, выступает как поединок человека с судьбой (с Абсолютом), которого нельзя избежать и в котором можно и победить, и проиграть - *но только честно*. Здесь выигрыш не по правилам – проигрыш, и любой проигрыш – всегда проигрыш справедливый, по правилам, а потому тоже полноценный акт самоутверждения человека. При отсутствии соответствующей этико-мировоззренческой ориентации принцип честной игры имеет для спортсмена чисто формальный характер и определяющего значения для его соревновательного поведения, когда победа – главная цель, иметь не может. Следует напомнить также и о том, что Кубертен особо настойчиво стремился к *сближению спорта с искусством*, исходя при этом из своего понимания характера этой близости в античности. «Совсем не случайно, - говорит он, - в древние века писатели и художники собирались в Олимпии, *чтобы отметить Олимпийские игры и тем самым повысить их престиж* [выделено нами. – Н.В. и В.М.]» [15, с. 73]. Что, однако, вызывает сомнения в данном суждении? Прежде всего мнение, что присутствие «художественного» на античных играх изначально понимается как *чисто внешнее добавление* к «спортивному». Между тем в Древней Греции ситуация была иной. Здесь самые разные люди, в частности представители различных профессиональных занятий, в том числе интеллектуальных и художественных, своим присутствием на Олимпиаде стремились, в первую очередь, поднять не ее престиж, как полагает Кубертен, а *престиж своего дела*, а также *свой собственный*. На это указывает, в частности, Л.Кун: «*Историки, философы, ораторы и драматурги считали главным показателем успеха в творчестве победу в "соревнова-*

нии умов” на Олимпиаде [выделено нами. – Н.В. и В.М.]» [26, с. 70]. И это в целом естественно, поскольку грек – агональная личность. Он соревнуется в рамках любой деятельности, и не в последнем случае – в профессиональной, и агональность здесь не просто процессуальный момент, а *экзистенциально-смысловая суть* происходящего. Спорт же – это деятельность, где принцип агональности проведен наиболее последовательно и полно, поэтому естественно, что представитель каждой отдельной деятельности (в частности – художественной), *тоже агональной по внутренней сути своей*, желая полно-масштабно реализовать глубинный смысл и творческий потенциал своего дела, обеспечить ему подлинность, стремится встать под знамена агональности высшей – *олимпийской*. Именно здесь любой успех высвечивается в своей значимости наиболее полно, обретает максимальный индивидуально-смысловой и общесоциальный масштаб.

Центральная проблема сегодняшнего дня и состоит в том, что спорт обычно не воспринимается нами адекватно – как феномен, обладающий значительным метафизическим потенциалом. Спортсмену нужна качественная *мировоззренческая подготовка* (наряду с физической, тактико-технической, психологической и т.д.). Нужна она, конечно, и тренеру, и в сегодняшних обстоятельствах – даже в первую очередь.

ИДЕЯ ОЛИМПИЗМА, ИДЕЯ СПОРТА И ИХ СОПРЯЖЕНИЕ (ИТОГОВЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ)

Что же такое олимпизм? В свете выпесказанного следует заключить: это «философия жизни», предполагающая *духовно-практическую* ориентацию человека на максимально полное самоутверждение, связанное с обретением им в рамках *активных* действий, разворачивающихся *во внешнем мире*, статуса *дейтельного соучастника* процессов и событий, которые составляют глубинную основу человеческого бытия, а именно – *разделенность* его на противоположные начала (любовь и вражда, соучастие и индивидуализация и т.п.) и активное сопряжение этих начал, то есть *становление*, предполагающее свершение *истины и справедливости*. Олимпизм – это не принцип, не

философия, в соответствии с которой строится какая-либо *отдельная* человеческая деятельность (в частности, исключительно спорт), это активная жизненная позиция человека, *проявляющего себя сущностно и повсеместно* в качестве субъекта *долгествования*, рефлексивного и нравственного субъекта; в исторически-культурном плане – это базовый принцип самоутверждения человека в той культуре, где *внешний успех* имеет особенно высокую ценность, прежде всего, – в культуре *западной*.

А что есть спорт? Это официально организованная и регулярно повторяющаяся, реализуемая в соответствии с принципом «честного соперничества», соревновательная – и *самодостаточная в качестве таковой* – деятельность, в пределах которой *внутренняя диалектика* человеческого существования представлена *внешне-сложным образом*, задана предельно концентрированно и определено, что крайне остро ставит перед субъектом проблему *полномасштабного* деятельно-практического самоутверждения. Этим спорт отличается от других соревновательных деятельностей (в том числе официально организуемых), где человек поставлен в обстоятельства, в которых он прежде всего действует в соответствии с тем или иным интересом *частного характера*, и где проблема истинного самоутверждения (и утверждения истины) обычно отодвинута на второй план или вообще оказывается забытой. Можно также сказать, что спорт – это сфера социальной жизнедеятельности, где человек оказывается *возвращенным к правде своего существования*, которая состоит в том, что его полноценное самоутверждение оказывается возможным лишь тогда, когда он *дейтельно соучаствует* в воссоздании первородной стихии человеческого бытия – стихии, где встречаются и противостоят друг другу кардинальные стремления и чувства человека (любовь и вражда, индивидуализация и соучастие и т.п.) и где *справедливость* является *диалектическим итогом* свершающихся событий. Олимпизм в спорте реализует идею человеческого самоутверждения как духовно-практического акта, который дает возможность человеку обрести и удержать себя в процессе *официально организованной* соревновательной деятельности в статусе *свершителя долга и творца*

смысла. Единство тела, воли и разума, о которых говорит ОХ, давая определение олимпизма, есть *непосредственное проявление* и одновременно (при правильном подходе к проблеме) *средство* данного акта.

Спорт глубинно (и тогда - в Древней Греции, и сегодня – в культуре XX-XXI вв.) – это *подлинно метафизический феномен*. Заниматься профессионально спортом, не принимая во внимание (по невежеству или по инфантильности) данное обстоятельство со всеми возможными, вытекающими отсюда последствиями *практического* и *мировоззренческого* порядка, не руко-

водствоваться соответствующими знаниями *стратегически*, а это сегодня типично, – значит лишать себя тех живительных истоков, которые питают спортивную деятельность как культурный феномен и которые продолжают воссоздавать спорт, обеспечивают ему жизнестойкость, сохраняют перспективу его исторического существования, вопреки утрате современным миром устойчивости и стабильности, в условиях крайней ослабленности его экзистенциально-смысловых оснований. *В ликувании спортсмена-победителя вдохновенно и зримо ликует истина человеческого существования!*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Олимпийская Хартия (в действии с 7 июля 2007 г.). Лозанна / Швейцария: Физкультура и спорт, 1998. – 46 с.
2. Философские и социологические проблемы физической культуры и спорта : научно-методические материалы и доклады круглого стола с международным участием. – М. : Физическая культура, 2012. – 69 с.
3. Визитей, Н. Социология спорта : учебное пособие / Н. Визитей. – Киев : Олимпийская литература, 2005. – 247 с.
4. Визитей, Н. Идея олимпизма Пьера де Кубертена и исторические перспективы ее реализации / Н. Визитей, В. Манолоки // Наука в Олимпийском спорте. – 2013. – № 1. – С. 10-28.
5. Эрида. Т. 2. Мифы народов мира. – М. : Наука, 1984. – С. 666-667.
6. Аристотель. Риторика. Античные риторика. – М.: Искусство, 1978. – С. 84-97.
7. Гераклит. Ч. 1. Фрагменты ранних греческих философов. – М. : Наука, 1984. – С. 176-256.
8. Эмпедокл. Ч. 1. Фрагменты ранних греческих философов. – М. : Наука, 1985. – С. 350-414.
9. Ницше, Ф. Философия в трагическую эпоху / Ф. Ницше. – М. : Наука, 1994. – 280 с.
10. Кант, И. Об изначально злом в человеческой природе. Собр. соч. в 6 т. – Т. 4 – Ч. 2. / И. Кант. – М. : Наука, 1968. – С. 22-43.
11. Ницше, Ф. Человеческое, слишком человеческое. В 2 т. Т. 1. / Ф. Ницше. М. : Мысль, 1990. – С. 231-490.
12. Тиллих, П. Мужество быть. Избранное: Теология культуры / П. Тиллих // М. : Юрист, 1995. – С. 7-131.
13. Кант, И. Из лекций по этике (1780-1782 гг.). Этическая мысль : научно-публицистические чтения / И. Кант. – М. : Политиздат, 1988. – С. 297-322.
14. Guldenpfening S. Philosophy of relation between sport and peace // Dialectics and Humanism. The Polish Philosophical Quarterly. – 1984. – Vol. XI. – P. 50-61.
15. Кубертен, П. Олимпийские мемуары / П де Кубертен. – Киев : Олимпийская литература, 1997. – 180 с.
16. Гвардини, Д. Конец Нового времени / Д. Гвардини // Вопросы философии. – 1990. – № 9. – С. 144-171.
17. Ницше, Ф. Сумерки богов, или как философствуют молотом. Соч. в 2 т. Т.2. / Ф. Ницше. – М. : Мысль, 1990. – С. 556-630.
18. Чанышев, А. Эгейская философия / А. Чанышев. – М. : Наука, 1970. – 248 с.
19. Мамардашвили, М. Лекции по античной философии. Лекция 12 [Электронный ресурс] / М. Мамардашвили. – Режим доступа: <http://www.psylib.ukrweb.net/books/mamer01/txt19.htm>
20. Сартр, Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм. Сумерки богов. / Ж.П. Сартр, Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм, А. Камю. – М. : Политиздат, 1989. – С. 336-398.
21. Nissiotis, N. Philosophy of Olympism // Report of the 18th Session of the IOA. Athens. – 1979. – P. 170-178.
22. Новак, М. // Спорт и религия в Америке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archive.svoboda.org/prqgrams/otv.2004/obt.120504.asp>.
23. Интервью Президента МОК Х.А. Самаранча // Международное спортивное и Олимпийское движение. – 1982. – Выпуск 17. – С. 13-17.
24. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М. : Политиздат, 1991. – 527 с.
25. Гаспаров, М. Поэзия Пиндара. Вакхилид. Оды. Фрагменты / М. Гаспаров // Пиндар, М. : Наука, 1980. – С. 361-381.
26. Кун, С. Всеобщая история физической культуры и спорта / С. Кун. – М.: Радуга, 1982. – 398 с.

BIBLIOGRAPHY

1. The Olympic Charter (1998) (in force as from 7 July 2007), Lausanne, Switzerland: Fizcul'tura i sport; p. 46 (in Russian).
2. Philosophical and sociological problems of physical culture and sport. (Scientific-methodical materials and reports of "The Round Table" with the international participation. 20 March 2012, Russia, Moscow). Fizicheskaja cul'tura; 2012. p. 69 (in Russian).
3. Vizitej N. Sociology of sport. Tutorial. Kiev: Olimpijskaja literatura; 2005. p. 247 (in Russian).
4. Vizitej N., Manolaki V. (2013) The idea of Olympism of Pierre de Coubertin and historical prospects of its realization // Nauka v Olimpijscom sporte. Kiev. 3. pp. 10 – 28 (in Russian).
5. Eris // Myths of world nations. V. 2. M.: Nauka; 1984. pp. 666-667 (in Russian).
6. Aristotle. Rhetoric// The Ancient Rhetoric. M.: Iscusstvo; 1978. pp. 84-97 (in Russian).
7. Heraclitus//The Fragments of early Greek philosophers.

- Part 1. M.: Nauka; 1985. pp. 176-256 (in Russian).
8. Empedocles// The Fragments of early Greek philosophers. Part.1. M.: Nauka; 1985. pp. 350-414 (in Russian).
 9. Nitshe F. (1994) Philosophy in the tragic epoch. M.: Nauka; p. 280 (in Russian)
 10. Kant I. (1968) On the radical evil in human nature // Kant I. Selected works in 6 v. V. 4, P. 2. M.: Nauka; pp. 22-43 (in Russian).
 11. Nitshe F.(1990) Human, All-too-human // Nitshe F. Selected works in 2 v. V. 1. M.: Nauka; pp. 231-490 (in Russian).
 12. Tilih P. The Courage to Be // Tilih P. Selection. The Theology of Culture. M.: Jurist; pp. 7-131 (in Russian).
 13. Kant. I. (1988) Lectures on Ethics (1780-1782) // leticheskaja mysl': Nauchno-publicisticheskie chtenija. M.: Politizdat; pp. 297-322 (in Russian).
 14. Guldenpfening S. (1984) Philosophy of relation between sport and peace //Dialectics and Humanism. The Polish Philosophical Quarterly. Vol. XI. pp. 50-61.
 15. Per de Kuberten. (1997) Olympic Memoirs. Kiev: Olimpijskaja literatura; p180 (in Russian).
 16. Gvardinini D. (1990) The end of the early modern period. // Voprosy filosofii . 9. pp. 144-171 (in Russian).
 17. Nitshe F. (1990) The Twilight of the Idols. // Nitshe F. Vol. 2. M.: Mysl'; pp. 556-630 (in Russian).
 18. Chanyshev A. (1970) Aegian Philosophy.M.,; Nauka; p. 248 (in Russian).
 19. Mamardashvili M. Lectures on the ancient philosophy. – <http://www.psylib.ukrweb.net/books/mamer01/txt19.htm> Lecture 12. p.12 (in Russian).
 20. Sartr J-P.(1989) Existentialism – is humanism.// Nitshe F., Freud Z. Fromm E., Camus A., Sartre J-P. The Twilight of the Idols. M. : Politizdat; pp. 336-398 (in Russian).
 21. Nissiotis N. (1979) Philosophy of Olympism //Report of the 18th Session of the IOA. – Athens, pp. 170-178 (in Russian).
 22. Novak M. // Sport and Religion in America. <http://archive.svoboda.org/prqgrams/otv.2004/obt.120504.asp> p. 12 (in Russian).
 23. The interview with the IOC President Samaranch H. A. // International Sport and Olympic Movement. 1982. Issue 17. pp. 13-17 (in Russian).
 24. Jaspers K. (1991) The Origin and Goal of History. M.: Politizdat; p. 527 (in Russian).
 25. Gasparov M. (1980) The poetry of Pindar [Supplement] // Pindar. Bacchylides. Odes, Fragments. M : Nauka; pp. 361-181 (in Russian).
 26. Kun S. (1982) The universal history of physical culture and sport. M.: Raduga; p.398 (in Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Визитей Николай Николаевич – доктор-хабилитат философии, профессор Государственного университета физического воспитания и спорта Молдовы.

Манолаки Вячеслав Георгиевич – доктор-хабилитат педагогики, профессор, ректор государственного университета физического воспитания и спорта Республики Молдова.